

Звериное молоко

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был царь на царстве, король на королевстве, и были у него дети: сын Иван-царевич и дочь Елена Прекрасная. Появился в его царстве медведь железная шерсть и начал его подданных есть... Ест медведь людей, а царь сидит да думает, как бы ему спасти детей своих. Велел он построить высокий столб, посадил на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную и провизии им поклат туда на пять лет.

Переел медведь всех людей, прибежал в царский дворец и стал с досады грызть веник.

— Не грызи меня, медведь железная шерсть, — говорит ему веник, — а лучше ступай в поле, там увидишь ты столб, а на том столбу сидят Иван-царевич и Елена Прекрасная!

Прибежал медведь к столбу и начал его раскачивать. Испугался Иван-царевич и бросил ему пищи, а медведь наелся, да и лёг спать.

Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит конь.

— Конь, конь! Спаси нас, — говорят они.

Только что сели на коня, медведь их и догнал. Коня он разорвал на части, а их взял в пасть и принёс к столбу. Дали они ему пищи, он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... По дороге идут гуси.

— Гуси, гуси, спасите нас.

Сели они на гусей и полетели, а медведь проснулся, опалил гусей полымем и принёс их к столбу. Дали они ему снова пищи: он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит бычок-третьячок.

— Бычок, бычок! Спаси нас: за нами гонится медведь железная шерсть.

— Садитесь на меня; ты, Иван-царевич, сядь задом наперёд и как увидишь медведя, скажи мне.

Только что догонит их медведь, бычок-третьячок др..... — да и залепит ему глаза. Три раза медведь догонял, три раза бычок залеплял ему глаза. Стали они переправляться через реку, медведь за ними — да и утонул.

Захотели они есть, вот бычок им и говорит:

— Зарежьте меня и съешьте, а косточки мои соберите и ударьте; из них выйдет мужичок-кулачок — сам с ноготок, борода с локоток. Он для вас всё сделает.

Время идёт да идёт, съели они бычка и захотели опять есть; ударили легонько по косточкам, и вышел мужичок-кулачок. Вот пошли они в лес, а в том лесу стоял дом, а дом тот был разбойничий. Кулачок убил и разбойников и атамана и запер их в одной комнате; а Елене не велел туда ходить. Только она не вытерпела, посмотрела и влюбилась в голову атамана.

Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мёртвой воды. Как только он достал воды живой и мёртвой, царевна оживила атамана и сговорила вместе с ним извести Ивана-царевича. Наперво согласились они послать его за волчьим молоком. Пошёл Иван-царевич с мужичком-кулачком; находят волчицу:

— Давай молока!

Она просит их взять и волчонка, потому что он б....., п....., даром хлеб ест. Взявши молоко и волчонка, пошли к Елене Прекрасной; молоко отдали Елене, а волчонка взяли себе. Этим не смогли его известь; послали за медвежьим молоком. Пошёл Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать медвежьего молока; находят медведицу:

— Давай молока!

Она просит взять и медвежонка, потому что он ..., даром хлеб ест. Опять, взявши молоко и медвежонка, пошли к Елене Прекрасной; отдали ей молоко, а медвежонка взяли себе. И этим не смогли известь Ивана-царевича; послали его за львиным молоком. Иван-царевич пошёл с мужичком-кулачком; находят львицу, взяли молока; она просит их взять и львёнка, потому что он ..., даром хлеб ест. Воротились к Елене Прекрасной, отдали молоко, львёнка взяли себе.

Потом атаман и Елена Прекрасная видят, что и этим нельзя известь Ивана-царевича; послали его достать яиц жар-птицы. Отправился Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать яйца. Нашли они жар-птицу, хотели было взять яйца, она рассердилась и проглотила мужичка-кулачка; а Иван-царевич пошёл без яиц домой. Приходит к Елене Прекрасной, рассказал

ей, что не мог достать яиц и что жар-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная с атаманом обрадовались и говорят, что теперь Иван-царевич без кулачка ничего не сделает; велели его убить. Иван-царевич услышал это и попросился у сестры помыться перед смертью в бане.

Елена Прекрасная велела натопить баню. Иван-царевич пошёл в баню, а Елена Прекрасная послала к нему сказать, чтобы он скорее мылся. Иван-царевич её не послушал, всё-таки мылся не спеша. Вдруг прибежали к нему волчонок, медвежонок и львёнок; говорят ему, что мужичок-кулачок спасся от жар-птицы и сейчас придёт к нему. Иван-царевич приказал им лечь под порог в бане; а сам всё-таки мылся. Елена Прекрасная посылает опять ему сказать, чтобы он скорее мылся, а если он не скоро выйдет, то она сама придёт. Иван-царевич всё не слушал, не выходил из бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла с атаманом посмотреть, что он там делает. Приходит и видит, что он моется и не слушает приказания; рассердилась, дала ему плюху. Откуда не возьмись мужичок-кулачок — велел волчонку, медвежонку и львёнку разорвать атамана на мелкие кусочки, а Елену взял, привязал голую к дереву, чтоб её тело съели комары да мухи; а сам отправился с Иваном-царевичем путём-дорогою.

Завидели большие палаты; говорит мужичок-кулачок:

— Не хочешь ли, Иван-царевич, жениться? Вот в этом доме живёт богатырь-девка; она ищет такого молодца, чтоб её одолел.

Вот и пошли к тому дому. Не дошедши немного, сел Иван-царевич на лошадь, а мужичок-кулачок сзади его, и начали вызывать богатырь-девку драться. Дрались-дрались; богатырь-девка ударила Ивана-царевича в грудь — Иван-царевич чуть-чуть не упал, да его кулачок удержал. Потом Иван-царевич ударил богатырь-девку копьём — и она тотчас свалилась с коня. Как сшиб Иван-царевич богатырь-девку, она и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, ты теперь можешь меня взять замуж.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Иван-царевич женился на богатырь-девке.

— Ну, Иван-царевич, — говорит мужичок-кулачок, — если на первую ночь сделается тебе дурно, то выходи ко мне; я в беде помогу.

Вот лёг Иван-царевич спать с богатырь-девкою. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку, Ивану-царевичу сделалось дурно; начал он проситься выйти. Вышедши, кликнул мужичка-кулачка, рассказал ему, что богатырь-девка его душит. Мужичок-кулачок пошёл к богатырь-девке, начал

её бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» С того времени стали они жить да поживать да добра наживать.

После начала богатырь-девка просить Ивана-царевича, чтоб отвязал Елену Прекрасную и взял бы её к себе жить. Он сейчас послал отвязать и привести её к себе. Долго жила у него Елена Прекрасная. Один раз говорит она Ивану-царевичу:

— Братец! Дай я тебе поищу.

Начала искать ему и пустила в голову мёртвый зуб; Иван-царевич начал умирать. Львёнок видит, что Иван-царевич умирает, выдернул у него мёртвый зуб; царевич стал оживать, а львёнок умирать. Медвежонок вырвал зуб; львёнок начал оживать, а медвежонок умирать. Лисица видит, что он помирает, выдернула у него мёртвый зуб, и как она была хитрей всех, то, выдернувши, бросила зуб на сковороду, отчего зуб и рассыпался в куски. За это Иван-царевич велел Елену Прекрасную привязать к хвосту богатырского коня и размыкать по чистому полю. Я там был, мёд пил, по усам текло, а в рот не попало.

203

Жили-были два крестьянина: один — Антон, другой — Агафон.

— Послушай, брат! — говорит Антон. — Бедовая туча к нам несётся, — а сам как лист трясётся.

— Ну что ж за беда!

— Да ведь град пойдёт, весь хлеб побьёт!

— Какой град! Дождь будет.

— Ан град!

— Ан дождь!

— Не хочу говорить с дураком! — сказал Антон да хватъ соседа кулаком. Ни град, ни дождь нейдёт, а у них из носов да ушей кровь льёт. Это ещё не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, поевши мягкого хлеба.

Жил мужик, у него было два сына, третья дочь; один сын — умный, другой — дурак; старший — женатый. Пришло время мужику умирать; вот он большому сыну приказывает весь дом, и скот, и землю, а дураку с сестрой ничего. Дочь и говорит:

— Что же ты, батюшка, приказываешь всё старшему брату, а мне с дураком ничего?

Старик взглянул на них и сказал:

— А вам если даст старший брат баню, там живите, а не даст, так вон подите!

— Ну, мы и тем довольны!

Вот помер мужик, отправили похороны, старший брат и говорит:

— Дурак! Ступай с сестрой из дому вон.

— Позволь, братец, нам хоть в бане пожить.

— Ну, живите покамест!

Дурак стал ходить в лес работать, тем и кормились.

Однажды дурак говорит:

— Сестра! Дай мне плетушку; идучи по лесу, грибов наберу.

Она подала ему плетушку, он взял и пошёл; ходил-бродил по лесу и заблудился. Стал искать дорогу, выбрался на луговину, глянул кругом: на той луговине стоит большой каменный дом, в три этажа выстроен; ворота заперты, ставни закрыты, только одно окно отворено, и к нему лестница приставлена. Дурак влез в дом, пооткрывал все окна, порастворял все двери, ходит по дому, посматривает: не видать ни единой живой души, а добра-то, добра-то! Хоть лопатой гребь! Золота, серебра, камня самоцветного, парчей дорогих целые вороха навалены. В одной горнице стоит кадка с вином, и плавает в ней серебряный ковшик. Дурак взял стул, присел к кадке, вино пьёт да во все горло «Долинушку» поёт.

Вдруг слышит шум: едут двенадцать разбойников.

— Братцы! — говорит атаман. — Чтой-то неладно у нас: все окна открыты! Верно, кто-нибудь в гости пожаловал.

И посылает одного разбойника ворота отпереть.

— Не трудитесь, братцы! Я вам отопру, — кричит дурак.

Вот они въехали во двор, убрали награбленное добро и приходят в горницу, берут по стулу и садятся все около дошника; одному разбойнику не достало стула, подходит он к дураку и толкает его:

— Пусти! Ты моё место занял.

А тот упирается.

— Беритесь-ка за него, товарищи! Как он смел в нашем доме послушаться?

Разбойники повскакивали с своих мест и начали дурака задирать: то тот ударит, то другой прихлопнет. Тут дурак рассердился, схватил одного разбойника за ноги и начал им направо-налево помахивать, кого ни заденет — тотчас с ног долой! Атаман видит, что он шутит шутки нехорошие, припал в угол за бочки и там отсиделся. Дурак перебил всех разбойников, тела на двор выкинул; потом насыпал плетушку золотом, дом запер и пошёл к сестре. Входит в баню и кричит:

— Вот тебе плетушка грибов!

На другой день сестра затопила печку, вздумала чистить грибы, взялась за плетушку — тяжела, не подымается; что такое? Открыла — а она полна денег.

— Сестра, — говорит дурак, — поди-ка в город, закупи и варёно и жарено; надо по батюшке поминки сделать. А я пойду созывать в гости купцов, и мещан, и всяких крестьян.

Сестра закупила, наставила на стол и питья и ествы, всего вдоволь, и побежала звать старшего брата с невесткою.

— Ох, вы, голыши-горемыки! Чай, у вас хлеба нет, а не только поминки справлять! — сказал старший брат и не захотел идти.

— Ну хоть ты, невестушка, приходи!

— Да чего у вас есть-то?

— Чем богаты, тем и рады!

— Ну, — думает невестка, — пойду к ним, хоть посмеюся.

Приходит и видит, что всего много; стала спрашивать:

— Где вы взяли?

Дурак отвечает:

— Вам батюшка дом и всё хозяйство отказал, а нам плетушку денег оставил.

Наедались гости досыта, напивались допьяна и пошли по домам. Воротилась в избу невестка и ну ругать мужа: и сам-то он нехорош, и покойный отец его обидчик был — чтоб ему ни дна, ни покрышки! — умирал, а душой покривил: отдал дураку целую плетушку золота!

— Не бранись, я пойду и золото пополам разделю.

Приходит к брату:

— Раздели, дурак, плетушку золота, а то нам с женой обидно!

Дурак отвечает ему:

— Чем делить, бери лучше всю!

А сам взял сестру за руку и говорит:

— Пойдём, сестрица, из бани вон; есть у меня свой дом.

Вот они шли-шли, пришли в тот самый дом, где дурак перебил разбойников:

— Ну, сестра, живи, хозяйничай, бери — не жалея всё, что надобно; а я стану на охоту ходить, птиц-зверей бить.

Брат пошёл на охоту, а сестра дома осталась; начала горницы осматривать, увидала атамана, влюбилась в него, и стали вдвоём думу думать, как бы дурака извести? Атаман ей советует:

— Притворись больной и проси дурака, чтоб принёс тебе из такого-то саду яблоков; там ему не миновать смерти!

Дурак воротился с охоты, видит — сестра лежит на кровати да охает.

— Что с тобой, сестрица?

— Больна, братец!

И начала его просить:

— Видела я сон, что в таком-то саду растут яблоки; как только покушаю тех яблоков — сейчас выздоровлю.

Дурак взял плетушку и отправился в путь-дорогу лесом; идёт, а лес всё чаще да чаще, всё гуще да гуще; дальше и ступить нельзя! Начал дурак деревья выдергивать, дорогу прокладывать; час-другой потрудился и вышел на гладкую, ровную поляну. На той на поляне стоит большой каменный дом, в пять этажей выстроен; ворота заперты, ставни затворены, только одно окно открыто. Влез он туда по лестнице, пооткрывал все ставни, порастворял все двери: куда ни посмотрит, куда ни заглянет — всюду богатства видимо-невидимо: и золота, и серебра, и камней самоцветных, и парчей, и атласов дорогих. Позади дома сад растёт, яблоки так на солнышке и красуются; побежал дурак в сад, нарвал полную котомку яблоков и хотел было

домой идти, но после вздумал и говорит сам себе: «Нет, подожду хозяина и заплачу ему за яблоки, чтоб не считал меня за вора».

Немного погодя слышался конский топот: едут двадцать четыре разбойника и везут с собой красну девицу красоты неописанной. Вошли в дом, стали пить-есть, к красной девице приставать да разные насмешки над ней делать. Дурак смотрел-смотрел и говорит атаману:

— За что вы её обижаете?

Атаман рассердился и закричал:

— Эй, ребята! Возьмите его, свяжите да хорошенько отдуйте!

Разбойники сунулись было к дураку, а он ухватил одного из них за ноги и давай направо-налево помахивать; всех перебил до единого. Взял красну девицу за белые руки и повёл к себе. Приходит домой и говорит:

— Вот тебе, сестра, яблоки — ешь да выздоравливай; а ты, красная девица, будь нам названная сестрица — живи, да не скучай!

На другой день дурак отправился на охоту; а родная сестра его побежала к атаману; жалуется ему:

— Ведь мой брат пришёл, да ещё красну девицу привёл! Что нам с ним делать?

Атаман отвечает:

— Посади ты его играть в карты и сделай такой уговор: коли кто проиграет, тому назад руки вязать. Вот как он проиграет — ты притащи волосяной канат и скрути ему руки; коли один канат сорвёт — вяжи другим, другой сорвёт — вяжи третьим; авось с каким-нибудь да не справится! Тогда закричи мне — я прибегу с саблею и снесу ему голову.

Эти злые речи подслушала названная сестрица и ждёт, что-то будет.

Воротился дурак домой; родная сестра села с ним в карты играть, а названная сняла со стены острую саблю и просит:

— Братец! Подари мне эту саблю.

— Возьми, коли полюбилась.

Вот родная сестра обыграла брата и связала ему руки волосяным канатом; дурак потянулся — канат разорвался. Принесла она новый канат, потолще прежнего, и опять связала ему руки; дурак потянулся — каната как не бывало!

Принесла она третий канат, потолще прежних двух, связала брату руки крепко-накрепко; сколько он ни силился — не мог разорвать.

— Развяжи, сестра! Руки режет!

— Сам развяжешь!

Родная сестра пошла атамана звать, а названная у дверей стала: только атаман в горницу — она размахнулась саблею и снесла ему голову. Брат страшно разгневался, изо всей силы понатужился — канат затрещал и лопнул; тут он быстро схватил саблю острую, отрубил злой сестре голову и бросил труп её лесным зверям на съедение. Прошло ни много, ни мало времени — говорит названная сестра брату:

— Братец! Поедем на мою родину.

— А где твоя родина?

— Моя родина далеко; я царская дочь, ездили мы в иные государства; напали на нас разбойники и меня отняли.

Вот приезжают они к её отцу; царь обрадовался и выдал за того дурака свою дочь-царевну. Свадьбу сыграли, долго пировали; и я там был, мёд-вино пил, по губам текло, в рот не попало. Да на окошке оставил я ложку; кто лёгок на ножку, тот сбегай по ложку!

204

Жил-был царь, у него были сын да дочь. В соседнем государстве случилась беда немалая — вымер весь народ; просит Иван-царевич отца:

— Батюшка! Благослови меня в то государство на житьё ехать.

Отец не согласен.

— Коли так, я и сам пойду!

Пошёл Иван-царевич, а сестра не захотела от него отстать и сама пошла. Шли они несколько времени. Стоит в чистом поле избушка на куриных ножках и повёртывается; Иван-царевич сказал:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила.

Избушка остановилась, они вошли в неё, а там лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула.

— Здравствуй, Иван-царевич! Что, дела пытаешь аль от дела лытаешь?

— Где дела пытаю, а где от дела лытаю; в таком-то царстве народ вымер, иду туда на житьё.

Она ему говорит:

— Сам бы туда шёл, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает.

Напоила их, накормила и спать положила.

На другой день брат с сестрой собираются в дорогу; баба-яга даёт Ивану-царевичу собаку да синий клубочек:

— Куда клубочек покатится, туда и иди!

Клубочек подкатился к другой избушке на куриных ножках.

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила.

Избушка остановилась, царевич с царевною взошли в неё, лежит баба-яга и спрашивает:

— Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?

Он ей сказал, куда и зачем идёт.

— Сам бы туда шёл, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает.

Напоила их, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце:

— Будет у тебя на пути большая река — перейти нельзя; ты возьми это полотенце да махни одним концом — тотчас явится мост; а когда перейдёшь на ту сторону, махни другим концом — и мост пропадёт. Да смотри, махай украдкой, чтоб сестра не видела.

Пошёл Иван-царевич с сестрою в путь-дорогу: куда клубок катится, туда и идут. Подошли к широкой-широкой реке. Сестра говорит:

— Братец! Сядем тут отдохнуть.

Села и не видала, как царевич махнул полотенцем — тотчас мост явился.

— Пойдём, сестрица! Бог дал мост, чтобы перейти нам на ту сторону.

Перешли за реку, царевич украдкой махнул другим концом полотенца — мост пропал, как не бывало! Приходят они в то самое царство, где народ вымер; никого нет, везде пусто! Пообжились немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошёл он со своими собаками бродить по лесам, по болотам.

В это время прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Зовёт к себе царевну:

— Ты, — говорит, — меня измучила, тоской иссушила; я без тебя жить не могу!

Полюбился Змей Горыныч царевне, кричит ему:

— Лети сюда через реку!

— Не могу перелететь.

— А я что же сделаю?

— У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси к реке и махни одним концом.

— Он мне не даст!

— Ну, обмани его, скажи, будто вымыть хочешь.

Приходит царевна во дворец; на ту пору и брат её возвратился с охоты. Много всякой дичи принёс и отдаёт сестре, чтоб завтра к обеду приготовила. Она спрашивает:

— Братец! Нет ли у вас чего вымыть из чёрного белья?

— Сходи, сестрица, в мою комнату; там найдёшь, — сказал Иван-царевич и совсем забыл о полотенце, что баба-яга подарила, да не велела царевне показывать.

Царевна взяла полотенце; на другой день брат на охоту, она к реке, махнула одним концом полотенца — и в ту ж минуту мост явился. Змей перешёл по мосту. Стали они целоваться, миловаться; потом пошли во дворец.

— Как бы нам, — говорит змей, — твоего брата известить?

— Придумай сам, а я не ведаю, — отвечает царевна.

— Вот что: притворись больною и пожелай волчьего молока; он пойдёт молоко добывать — авось голову свернёт!

Воротился брат, сестра лежит на постели, жалуется на болезнь свою и говорит:

— Братец! Во сне я видела, будто от волчьего молока поздоровею; нельзя ли где добыть? А то смерть моя приходит.

Иван-царевич пошёл в лес — кормит волчиха волчонков, хотел её застрелить; она говорит ему человеческим голосом:

— Иван-царевич! Не стреляй, не губи меня, не делай моих детей сиротами; лучше скажи: что тебе надобно?

— Мне нужно твоего молока.

— Изволь, надои; ещё дам в придачу волчонка; он тебе станет верой-правдою служить.

Царевич надоил молока, взял волчонка, идёт домой. Змей увидал, рассказывает царевне:

— Твой брат идёт, волчонка несёт, скажи ему, что тебе медвежьего молока хочется.

Сказал и оборотился веником. Царевич вошёл в комнату; за ним следом собаки вбежали, услышали нечистый дух и давай терзать веник — только прутья летят!

— Что это такое, братец! — закричала царевна. — Уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечем будет!

Иван-царевич унял свою охоту и отдал ей волчье молоко.

Поутру спрашивает брат сестру:

— Каково тебе, сестрица?

— Немножко полегчило; если б ты, братец, принёс ещё медвежьего молока — я бы совсем выздоровела.

Пошёл царевич в лес, видит: медведиха детей кормит, прицелился, хотел её застрелить; взмолилась она человеческим голосом:

— Не стреляй меня, Иван-царевич, не делай моих детей сиротами; скажи: что тебе надобно?

— Мне нужно твоего молока.

— Изволь, ещё дам в придачу медвежонка.

Царевич надоил молока, взял медвежонка, идёт назад. Змей увидал, говорит царевне:

— Твой брат идёт, медвежонка несёт; пожелай ещё львиного молока.

Вымолвил и оборотился помелом; она сунула его под печку. Вдруг прибежала охота Ивана-царевича, почуяла нечистый дух, бросилась под печку и давай тормошить помело.

— Уймите, братец, вашу охоту, а то завтра нечем будет печки замести.

Царевич прикрикнул на своих собак; они улеглись под стол, а сами так и рычат.

Наутро опять царевич спрашивает:

— Каково тебе, сестрица?

— Нет, не помогает, братец! А снилось мне нынешнюю ночь: если б ты добыл молока от львицы — я бы вылечилась.

Пошёл царевич в густой-густой лес, долго ходил — наконец увидел: кормит львица малых львёнков, хотел её застрелить; говорит она человеческим голосом:

— Не стреляй меня, Иван-царевич, не делай моих детушек сиротами; лучше скажи: что тебе надобно?

— Мне нужно твоего молока.

— Изволь, ещё одного львёнка в придачу дам.

Царевич надоил молока, взял львёнка, идёт домой. Змей Горыныч увидал, говорит царевне:

— Твой брат идёт, львёнка несёт, — и стал выдумывать, как бы его уморить.

Думал-думал, наконец выдумал послать его в тридесятое государство; в том царстве есть мельница за двенадцатью дверями железными, раз в год открывается — и то на короткое время; не успеешь оглянуться, как двери захлопнутся.

— Пусть-ка попробует, достанет из той мельницы мучной пыли!

Вымолвил эти речи и оборотился ухватом; царевна кинула его под печку. Иван-царевич вошёл в комнату, поздоровался и отдал сестре львиное молоко; опять собаки почуяли змеиный дух, бросились под печку и начали ухват грызть.

— Ах, братец, уймите вашу охоту; ещё разобьют что-нибудь!

Иван-царевич закричал на собак; они улеглись под столом, а сами всё на ухват смотрят да злобно рычат.

К утру расхворалась царевна пуще прежнего, охает, стонет.

— Что с тобой, сестрица? — спрашивает брат. — Али нет от молока пользы?

— Никакой, братец! — и стала его посылать на мельницу.

Иван-царевич засушил сухарей, взял с собой и собак и зверей своих и пошёл на мельницу. Долго прождал он, пока время настало и растворились двенадцать железных дверей; царевич вошёл внутрь, наскоро намёл мучной пыли и только что успел выйти, как вдруг двери за ним захлопнулись, и осталась охота его на мельнице взаперти. Иван-царевич заплакал: «Видно, смерть моя близко!»

Воротился домой; змей увидал, что он один, без охоты идёт.

— Ну, — говорит, — теперь его не боюсь!

Выскочил к нему навстречу, разинул пасть и крикнул:

— Долго я до тебя добирался, царевич! Уж и ждать надоело; а вот-таки добрался же — сейчас тебя съем!

— Погоди меня есть, лучше вели в баню сходить да наперёд вымыться.

Змей согласился и велел ему самому и воды натаскать, и дров нарубить, и баню истопить. Иван-царевич начал дрова рубить, воду таскать. Прилетает ворон и каркает:

— Кар-кар, Иван-царевич! Руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла.

Он что нарубит, то в воду покидает. А время идёт да идёт; нечего делать — надо баню топить. Ворон опять каркает:

— Кар-кар, Иван-царевич! Топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогрызла.

Истопил баню, начал мыться, а на уме одно держит:

— Если б моя охота да ко времени подоспела!

Вот прибегают собака; он говорит: «Ну, двоим смерть не страшна!» За той собакой и все прибежали.

Змей Горыныч долго поджидал Ивана-царевича, не вытерпел и пошёл сам в баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкие кусочки.

Иван-царевич собрал те кусочки в одно место, сжёг их огнём, а пепел развеял по чистому полю. Идёт со своею охотою во дворец, хочет сестре голову отрубить; она пала перед ним на колени, начала плакать, упрашивать.

Царевич не стал её казнить, а вывел на дорогу, посадил в каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водою, другой — порожний. И говорит:

— Если ты эту воду выпьешь, это сено съешь да наплачешь полон чан слёз, тогда бог тебя простит, и я прощу.

Оставил Иван-царевич сестру в каменном столбе и пошёл с своею охотою за тридевять земель; шёл-шёл, приходит в большой, знатный город; видит — половина народа веселится да песни поёт, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать к одной старушке и спрашивает:

— Скажи, бабушка, отчего у вас половина народа веселится, песни поёт, а другая навзрыд плачет?

Отвечает ему старуха:

— О-ох, батюшка! Поселился на нашем озере двенадцатиглавый змей, каждую ночь прилетает да людей поедает; для того у нас очередь положена — с какого конца в какой день на съедение давать. Вот те, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — нет, те рекой разливаются.

— А теперь за кем очередь?

— Да теперь выпал жребий на царскую дочь: только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявил, что если выищется кто да убьёт этого змея, так он пожалует его половиною царства и отдаст за него царевну замуж; да где нынче богатыри-то? За наши грехи все перевелись!

Иван-царевич тотчас собрал свою охоту и пошёл к озеру, а там уж стоит прекрасная царевна и горько плачет.

— Не бойся, царевна, я твоя оборона!

Вдруг озеро взволновалось-всколыхалось, появился двенадцатиглавый змей.

— А, Иван-царевич, русский богатырь, ты сюда зачем пришёл? Дратся али мириться хочешь?

— Почто мириться? Русский богатырь не за тем ходит, — отвечал царевич и напустил на змея всю свою охоту: двух собак, волка, медведя и льва.

Звери вмиг его на клочки разорвали. Иван-царевич вырезал языки изо всех двенадцати змеиных голов, положил себе в карман, охоту гулять распустил, а сам лёг на колени к царевне и крепко заснул. Рано утром приехал водовоз с бочкою, смотрит — змей убит, а царевна жива, и у ней на коленях спит добрый молодец. Водовоз подбежал, выхватил меч и снес Ивану-царевичу голову, а с царевны вымучил клятву, что она признает его своим избавителем. Потом собрал он змеиные головы и повёз их к царю; а того и не знал, что головы-то без языков были.

Ни много, ни мало прошло времени, прибегают на то место охота Ивана-царевича; царевич без головы лежит. Лев прикрыл его травой, а сам возле сел. Налетели вороны с воронятами мертвечины поклевать; лев изловчился, поймал вороненка и хочет его надвое разорвать. Старый ворон кричит:

— Не губи моего детёнка; он тебе ничего не сделал! Коли нужно что, приказывай — всё исполню.

— Мне нужно мёртвой и живой воды, — отвечает лев, — принеси, тогда и воронёнка отдам.

Ворон полетел, и солнце ещё не село — как воротился и принёс два пузырька, мёртвой и живой воды. Лев разорвал воронёнка, sprysнул мёртвой водой — куски срослися, sprysнул живой водой — воронёнок ожил и полетел вслед за старым вороном. Тогда лев sprysнул мёртвою и живою водой Ивана-царевича; он встал и говорит:

— Как я долго спал!

— Век бы тебе спать, кабы не я! — отвечал ему лев и рассказал, как нашёл его убитым и как воротил к жизни.

Приходит Иван-царевич в город; в городе все веселятся, обнимаются, целуются, песни поют. Спрашивает он старуху:

— Скажи, бабушка, отчего у вас такое веселье?

— Да вишь, какой случай вышел: водовоз повоевал змея и спас царевну; царь выдаёт теперь за него свою дочь замуж.

— А можно мне посмотреть на свадьбу?

— Коли умеешь на чём играть, так иди; там теперь всех музыкантов примают.

— Я умею на гусях играть.

— Ступай! Царевна до смерти любит слушать, когда ей на гусях играют.

Иван-царевич купил себе гусли и пошёл во дворец. Заиграл — все слушают, удивляются: откуда такой славный музыкант проявился? Царевна наливает рюмку вина и подносит ему из своих рук; глянула и припомнила своего избавителя; слёзы из глаз так и посыпались.

— О чём плачешь? — спрашивает её царь.

Она говорит:

— Вспомнила про своего избавителя.

Тут Иван-царевич объявил себя царю, рассказал всё, как было, а в доказательство вынул из кармана змеиные языки. Водовоза подхватили под руки, повели и расстреляли, а Иван-царевич женился на прекрасной царевне. На радостях вспомнил он про свою сестру, поехал к каменному столбу — она сено съела, воду выпила, полон чан слёз наплакала. Иван-царевич простил её и взял к себе; стали все вместе жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

205

Слыхали вы о Змее Змеевиче? Ежели слыхали, так вы знаете, каков он и видом и делом; а если нет, так я расскажу о нём сказку, как он, скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом, хаживал к княгине-красавице. Правда, что княгиня была красавица, черноброва, да уж некстати спесива; честным людям, бывало, слова не кинет, а простым к ней доступу не было; только с Змеем Змеевичем ши-ши-ши! О чём? Кто их ведаёт! А супруг её, князь-княжевич Иван-королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой; и уж охота была, правду сказать, не нашим чета! Не только собаки да ястреба да сокола верой-правдой ему служили, но и лисицы, и зайцы, и всякие звери, и птицы свою дань приносили; кто чем мастерил, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орёл крылом, ворон клёвом.

Словом, князь-княжевич Иван-королевич с своею охотою был неодолим, страшен даже самому Змею Змеевичу; а он ли не был горазд на всё, да нет! Сколько задумывал, сколько пытался он истребить князя и так и сяк — всё не

удалось! Да княгиня подсобила. Завела под лоб ясные глазки, опустила белые ручки, слегла больна; муж испугался, всхлопотался: чем лечить?

— Ничто меня не поднимет, — сказала она, — кроме волчьего молока; надо мне им умыться и окатиться.

Пошёл муж за волчьим молоком, взял с собой охоту; попалась волчица, только что увидела князя-княжевича — в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась:

— Князь-княжевич Иван-королевич, помилуй, прикажи что — всё сделаю!

— Давай своего молока!

Тотчас она молока для него надоила и в благодарность ещё волчоночка подарила. Иван-королевич волчонка отдал в охоту, а молоко принёс к жене; а жена было надеялась: авось муж пропадёт! Пришёл — и нечего делать, волчьим молоком умылась, окатилась и с постельки встала, как ничем не хворала. Муж обрадовался.

Долго ли, коротко ли, слегла опять.

— Ничем, — говорит, — мне не пособишь; надо за медвежьим молоком сходить.

Иван-королевич взял охоту, пошёл искать медвежьего молока. Медведица зачуяла беду, в ноги повалилась, слёзно взмолилась:

— Помилуй, что прикажешь — всё сделаю!

— Хорошо, давай своего молока!

Тотчас она молока надоила и в благодарность медвежонка подарила. Иван-королевич опять возвратился к жене цел и здоров.

— Ну, мой милый! Сослужи ещё службу, в последний раз докажи свою дружбу, принеси мне львиного молока — и не стану я хворать, стану песни распевать и тебя всякий день забавлять.

Захотелось княжевичу видеть жену здоровою, весёлою; пошёл искать львицу.

Дело было не лёгкое, зверь-то заморский. Взял он свою охоту; волки, медведи рассыпались по горам, по долам, ястреба, сокола поднялись к небесам, разлетелись по кустам, по лесам, — и львица, как смиренная раба, припала к ногам Ивана-королевича. Иван-королевич принёс львиного молока. Жена поздоровела, повеселела, а его опять просит:

— Друг мой, друг любимый! Теперь я и здорова и весела, а ещё бы я красовитей была, если б ты потрудился достать для меня волшебной пыли: лежит она за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками, в двенадцати углах чёртовой мельницы.

Князь пошёл — видно, его такая доля была! Пришёл к мельнице, замки сами размыкаются, двери растворяются; набрал Иван-королевич пыли, идёт назад — двери запираются, замки замыкаются; он вышел, а охота вся осталась там. Рвётся, шумит, дерётся, кто зубами, кто когтями ломит двери.

Постоял-постоял, подождал-подождал Иван-королевич и с горем воротился один домой; тошно у него было на животе, холодно на сердце, пришёл домой — а в доме жена бегаёт и весела и молода, на дворе Змей Змеевич хозяйничает:

— Здорово, Иван-королевич! Вот тебе мой привет — на шейку шёлкова петля!

— погоди, Змей! — сказал королевич. — Я в твоей воле, а умирать горюном не хочу; слушай, скажу три песни.

Спел одну — Змей заслушался; а ворон, что мертвечину клевал, поэтому и в западню не попал, кричит:

— Пой, пой, Иван-королевич! Твоя охота три двери прогрызла!

Спел другую — ворон кричит:

— Пой, пой, уже твоя охота девятую дверь прогрызает!

— Довольно, кончай! — зашипел Змей. — Протягивай шею, накидывай петлю!

— Слушай третью, Змей Змеевич! Я пел её перед свадьбой, спою и перед могилой.

Затянул третью песню, а ворон кричит:

— Пой, пой, Иван-королевич! Уже твоя охота последний замок ломает!

Иван-королевич окончил песню, протянул шею и крикнул в последний раз:

— Прощай, белый свет; прощай, моя охота!

А охота тут и есть, легка на помине, летит туча тучей, бежит полк полком! Змея звери в клочки расхватили, жену птицы мигом заклевали, и остался князь-княжевич Иван-королевич один с своею охотою век доживать, один горе горевать, а стоил бы лучшей доли.

Говорят, в старину всё такие-то удалцы рожались, а нам от них только сказочки остались.